

РОЗА КИСС

Добыча Коршуна

Роза Кисс

Добыча Коршуна

«Литнет»

2025

Кисс Р.

Добыча Коршуна / Р. Кисс — «Литнет», 2025

Мой парень сел в машину, сказал, что перепаркуется — на берегу речки неудобно поставил машину.— Сейчас, секунду, — сказал, сел... зачем-то пристегнулся и... уехал. И выехал черный крузак. Я орала на “на помощь”, “помогите”, пинаясь, драясь, визжала. Но какое-то с амбалами... Я тянула время как могла, считала, что Андрей вернется..._____ В тексте есть: аукцион горячие сцены сильная героиня властный герой противостояние характеров бывший... Как судьба его накажет? ОТ АВТОРА: Героиня много раз хотела сдать... от страха, ужаса, боли... Но она шла вперед даже когда совсем плохо. Даже когда жизнь больно-пребольно бьет.

Содержание

Глава 1. Похищение	5
Глава 2. Ультиматум бандита	7
Глава 3. Аукцион	9
Глава 4. На столе для прилюдного осмотра	12
Глава 5. Проверка на невинность	14
Глава 6. Терпи, Ириска	16
Глава 7. Первый клиент	19
Глава 8. Мистер садист	21
Глава 9. пытки	23
Глава 10. А ну, девочка, иди сюда!	25
Глава 11. Контроль в душевой	27
Глава 12. Авторитет	29
Глава 13. Очень боюсь	31
Глава 14. В рот	33
Глава 15. В руках бандита	35
Глава 16. Ручной осмотр	37
Глава 17. Игрушка в его руках пугает	39
Глава 18. Хорошая девочка?	41
Глава 19. По живому	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1. Похищение

— Какая фигуристая, ух, есть за что взяться! Рик, смотри, у меня тут клад.

Татуированный лапает меня грубыми ручищами, вжимает в заднее сиденье кружака. Бесцеремонно лезет между ног, слезы душат, пытаюсь еще раз дать ему понять, что они перепутали меня с кем-то.

Здесь что-то не так!!!

— Я... Вы меня с кем-то путаете...

— Все так говорят, малышка, — хватает за шею, кладет на бок и лезет ручищами к попе.

Сжимает ягодицу, захватывает в ладонь, хватается обе половинки и разводит в стороны. Его пальцы жадно исследуют, грубо лезут, касаются того, от чего сразу дрожь...

— Аах, — взвизгиваю и сама же себя пугаюсь как получается...

Нежно.

Пугливо.

Черт!!! Его еще больше завело!!!

Извиваюсь ужом, вздрагиваю.

— Какие дырочки маааленькие...

Проводит между ног, пальцем втирается в щель и дальше им же тыкается в попу. С силой, будто вворачивает.

Верчусь.

— Ууу...

Шлепок. Так что попа сжимается от боли.

И тут же с силой тянет ягодиčky по сторонам.

Пугаюсь ощущений, я так четко чувствую как обе дырочки расширяются, а он продолжает то тянуть ягодицы в разные стороны, то массировать и сжимать.

— Вкусная ссука, — он наклоняется к моей шее, вдыхает запах, — красивая на рожу. И на жопу тоже. Кстати, покажи задницу.

Он стягивает трусы вниз и нагло смотрит на мою попу. Увесистый и такой прилипчивый шлепок...

Меня никогда никто не шлепал. Разве что в детстве, но это несравнимо.

— Жопу оттопырь, — он ударяет еще, шлепает, заводит пальцы близко к лону и обхватывает ягодицу. Сжимает. — Я сказал задницу, сука, как надо покажи.

К глазам подступают слезы страха, ужаса, в горле застывает дикий безумный крик.

Он хватается меня сильнее, наклоняет лицом к своему паху и снова лапает попу...

Верчусь как могу, лицом упираюсь в его лобок, жесткая бляшка больно ранит кожу.

— Ууу.. Отпустите... — плачу, слезы душат. Слова не сходят с губ, от страха пересохло горло, язык стал большой и неподвижный. Как загнанная лань дергаюсь, но понимаю, что он в сто раз меня сильнее.

— В нашем деле ошибок быть не может, — он говорит это между прочим. Его рука сжимает ягодицу, — жопа-то какая! В заднице целка? Да че я спрашиваю, скажешь “да”, блять. Ясен пень.

— Прошу... Вы меня перепутали..

— Да заткнись, сука. Щас рот, блять, заклею.

От страха тут же замолкаю, на сердце к ужасу добавляется еще и безмолвная паника.

Что делать???

И где Андрей?

Мой парень сел в машину, сказал, что перепаркуется, что на берегу речки неудобно поставил машину.

"Сейчас, секунду", — сказал, сел и уехал.

И тут же выехал черный крузак.

— Теперь твое дело — работать, блять, девочка. Служить. Уметь нрааавиться, — он говорит нараспев и трогает пальцем мои щеки, опускает палец на губы. Горячим указательным лезет между губ и заставляет их раскрыться.

— Э, ты к девке не лезь, личико ей не марай. Слышь! — бросает ему второй и вовсе не заступается.

Это бандиты.

Черный крузак, их двое, кажется. Второй около машины, разговаривает по телефону. Такой же качок как этот, с короткой черной стрижкой, только рукава не забиты и в ухе нет серьги. У этого колечко, в самый раз, чтобы просунуть туда тонкий палец...

Тянусь к его лицу, чтобы уцепиться за сережку, дернуть, но он даже не парится, не замечает мою руку. Проводит грубо между ягодиц и тут же скользит к киске, проводит пальцем по самому краешку, нагло приоткрывает дверь и говорит тому, другому:

— Слышь, сучка то потекла.

Второй прижимает к уху смартфон, сюда даже не смотрит. Рука моя остается незамеченной, но я не могу решиться...

Страшный. Опасный. Может убить.

Насильник вынимает телефон, его лицо мрачнеет, он хмурит лоб, внимательно смотрит в экран.

Пользуясь случаем тянусь, хватаю за серьгу и что есть силы дергаю. На миг этот зверь, этот изверг, ослабляет хватку, налегаю на дверь с моей стороны, рычажком снимаю блокировку — благодарю бога, что это удастся, открываю дверь и сломя башку бегу.

Глава 2. Ультиматум бандита

— Какая пряткая! — в два счета он меня нагоняет. Я даже не успела добежать до узкой дорожки. Неизвестное безлюдное место. — Ишь, решила побегать, задницу размять. Ну-ну, щас я тебе разомну, мало не покажется, ссука.

Он задирает легкое платье и ударяет прямо на улице.

Глухое место. Промзона, почему-то никого нет.

Он не просто бьет, его рука словно липкая — шлепает и хватает меня за ягодницу, с силой проводит ладонью, словно обжигает кипятком. Его пальцы лезут между ягодниц, опускаются ниже, он больно тыкает в лоно.

Боль!

Морщусь.

— Ффф, — цежу воздух.

Боюсь, что его палец сейчас залезет куда не надо и все прорвет...

Вздрагиваю. Аж подпрыгиваю.

— Ооой, — на лице выступает гримаса ужаса, — пожалуйста... я не...

Задняя дверь распахнута настежь — так и осталась после того, как я убежала. Он даже не парится, чтобы ее закрыть. Толкает меня грубо, держит за локоть, сам мощно садится рядом.

Не закрывает дверь.

— Давай ртом только, по-быстрому.

Наклоняет, вынимает член и упирается головкой в губы.

— Соси, сука. Тогда я тебя спасу.

Это единственная возможность спастись — поверить бандиту.

Только я...

Я еще никогда...

Мой парень меня берег.

Мы с ним договорились, что все этакое только после свадьбы. Он еще не верил, много раз спрашивал — “точно ты девственница?”

Я каждый раз краснела до пунцовых щек, когда говорила честное “да”.

Член тычется в рот — я никогда такого не видела. Он большой, весь в венах, головка подрагивает, влажная.

Подонки оттягивают крайнюю плоть...

От страха раскрываю челюсти, я согласна сделать что надо.

Лишь бы отпустил.

Запах мужского тела рождает в горле спазм, я громко закашливаюсь. Второй подходит к машине, толкает насильника кулаком:

— Гора, еп твою мать. Вези товар нормальным. Она же целка. Башкой отвечаешь, ссука. Не трогай ни жопу, ни рот.

Он садится вперед, в трубку говорит “отбой” и машина трогается с места. Насильник сжимает мои щеки пальцами, говорит другому:

— Хорошую телку в этот раз взяли. Такой бы сосать и сосать.

— Я думаю, ей другое найдут применение, — говорит второй. Мне становится страшно.

— Че, думаешь в жопу выебут сразу же?

— Не сразу. Хватит базара. Щас привезем, сдадим, и получим свое. За такой подарочек Коршун даст много.

— Ага, и сам ее выебет.

— А тебе то че?

— Я б сначала сам трахнул.

— Охренел что ли.

— А че бля?

— Да ниче. Коршун узнает — будешь сам свой хуй сосать. Заставит.

Насильник замолкает, второй молча ведет, замечаю, что он практически не следит за дорогой. Пустынно. Да и видно, что ездят тут они по многу раз.

Машина заезжает в ангар, тормозит, в темноте меня грубо тянут за волосы из машины. Толкают в спину, я даже не вижу кто это, и хриплым мужским голосом строго приказывают:

— Лбом и руками упрись в стену. Ноги раздвинь на ширине плеч.

Противная стена, холодная и грязная, наглые руки и треск моего платья. Отшатываюсь от стены, пытаюсь схватить свое платьешко, но оно уже летит на пол. Рваное.

Ежусь.

Вслух реву.

Не обращая внимания на всхлипывания и плач, другой бандит, такой же качок, застегивает на мне ошейник — черный, с кольцом впереди, вдевает в него железную цепочку-поводок и говорит басом — не строгим, но и без внимания:

— Идем.

Голую, он выводит меня из одного ангара и заводит в другой. Там уже намного чище, яркий свет, большое количество дверей. Я так не хочу знать что за ними скрывается... До безумия не хочу.

Тихо говорю ему, делаю голос как можно мягче:

— Скажите... Меня убьют?

— Навряд ли.

— Будут мучать?

— Это не знаю.

— Что здесь? Пожалуйста скажите... Мне очень очень страшно.

Он подводит меня к высокой железной двери. Останавливается и говорит, слегка понижая голос:

— Сейчас тебя осмотрят, а потом решат на что ты пойдешь.

Глава 3. Аукцион

Дверь открывается, вхожу в комнату и с ярко-освещенного коридора ничего не вижу. Тусклое бра, еле заметный свет лампы.

В голову ударяет шум голосов. Много мужчин. Запах сигарет и алкоголя.

Осматриваюсь, глаза привыкают к темноте, но мне не дают рассмотреть. Меня уводят и разворачивают лицом к стене.

Голую.

При куче людей противоположного пола... Да даже если бы и своего, это дела не меняет.

Мужской голос прямо над ухом:

— Господа. Прошу занять свои места. Сладкий подарок приехал. Девственница.

Сзади послышалось:

— Надо уточнять где именно.

— Я понял вас, — тут же поправляется голос, — девственница везде!

— Ооо, — протянуло сразу несколько голосов, потом остался один, он продолжил наглое, с усмешкой, — это интересно.

Другой голос, басовитый, говорит непристойную грубость:

— Если везде, то это надо хорошенько осмотреть. И доказать.

Разговор шумит по-нарастающей. Голос рядом со мной заявляет:

— Внимание!

И раздается удар в колокол. Типа как в гонг.

— Прошу внимания. Итак, сегодняшней лот под названием **“Ириска”**.

Меня прошибает пот. Именно так меня называл парень — Ирочка, Иришка, Ириска.

Но откуда это известно похитителям? Ириской называл меня только он! Больше никто на свете...

Нехорошие мысли лезут в голову, но уверяю себя, что не права. Это со страху так.

В башке невольно всплывает момент, когда Андрей отъехал, а я удивилась, что так далеко. Он сел за руль, хлопнул дверью и зачем-то даже пристегнулся, хотя четко мне сказал, что перепаркуется на пару метров.

Я собралась наехать как он вернется.

Но выехал черный крузак. Я орала на “на помощь”, “помогите”, пиналась, дралась, визжала. Конечно, какое-там с такими амбалами, но я как могла тянула время, Андрей должен был вот-вот прийти.

Нет. Это должно быть сон. Страшный ужасный сон.

Я ни за что не поверю... Не дай бог с Андреем что-то случилось.

Нет и нет.

Я не сомневаюсь, что он уже подключил полицию на поиски и они вот-вот сюда придут.

— Ириска, - слышу уже без микрофона. Голос чужой, незнакомый. — А почему тебя так прозвали? Клеишься к мужикам?

Кидаю уничижительный взгляд и тут же пугаюсь, хрен знает кто это - на вид лет двадцать, смотрит на меня с явным презрением - ещё бы, среди кучи мужиков я абсолютно голая. А сам то... Сам как индеец - в белой рубашке, при костюме и галстук со сверкающими камнями.

Тьфу!

Все смотрит на меня, в глазах столько говна, сколько на всем белом свете нет.

– Обидчивую не строй, рожу попроще сделай, – выжигает меня взглядом. Урод. – Не то за красивую жопу тебя выкупят, а за такой фейс убьют.

Сглатываю.

Меня будут покупать.

Как вещь. Как резиновую куклу, как игрушку для члена, чтобы поиграться, а потом...

Борюсь с тем, что его хочется убить. Спрашиваю:

– Меня... убьют?

– Если будешь с такой рожей – то да.

Желудок подскакивает к горлу, страх вызывает мерзкую тошноту. Закашливаюсь, кто-то не рассчитывая силы мне типа как помогает — ударяет меня по спине. Лечу, натыкаюсь на стену, удерживаюсь, в позывах тошноты сгибаюсь...

Голос этого индюка, только уже в микрофон:

– Дорогие друзья, все готово для демонстрации. С нетерпением... с большим нетерпением приглашаем вас занять места. Лот уже подготовлен, сейчас вы все увидите.

Гонг бьёт второй раз.

Озираюсь, с ужасом вижу темного цвета постамент. Трое мужчин в простых одеждах проверяют как он крутится, один другому “она весит кил пятьдесят, не больше, а к следующей уже поправим”.

“Да тут все дело в пульте”.

“Если чё – Беноци сам ее повернет. Чай, не шоколадная, жопой покрутит”.

“Нет, все должно быть как надо. Облажаться щас никак нельзя, эта сука – дорогой товар”.

Все трое посмотрели на меня.

Глаза привыкли к темноте и я отчётливо вижу, что стою за возвышением чуть больше своего роста, а дальше – пустая площадка с этим гребаным постаментом.

– Да, сучка хороша.

– И это ты только рожу видишь, – говорит с хохотом. Обсуждают меня не стесняясь.

– Чё, думаешь жопа раком ещё краше?

Кивает в мою сторону и причмокивает:

– Такую задницу тут быстро на части разорвут.

Кровь от лица отливает и я становлюсь, наверное, белая как мел. Голова начинает кружиться, не хватает воздуха, сердце бьётся часто, стучит в ушах, зубах...

Словно моим сердцем стучит весь мир.

Третий удар в гонг и голос расфуфыренного ведущего:

– Итак, джентльмены, начинаем!

Гулкая барабанная дробь, мелкая, от которой испуганное сердце ещё больше заходится.

Огромный качок в черной майке и кожаных брюках встаёт рядом, даже на меня не смотрит, словно я вещь, которую каждый раз подменяют на новую. Держит в руках белые латексные перчатки, кладет в карман.

– Ириска, – ведущий делает праздничную интонацию. Качок вынимает перчатки, надевает, берет меня за локоть, совершенно не сжимая, зная, что я никуда не убегу.

Некуда бежать

Ведёт за собой. На пустое место, типа как лобное. В ужасе смотрю в пол, вижу только яркую вспышку в отдалении.

– Вот она! – ведущий оглушает мерзким голосом.

Постамент чуть выше стола. Меня подводят. Ставят к нему боком, лицом к темному залу. В глаза бьёт яркий софит, ничего не вижу. Только темнота вокруг.

– Делайте ваши ставки, – он продолжает игриво, – да-да, я понимаю, ещё очень рано.

Звон, будто монетка упала в игре, компьютерный громкий звук.

– Первая ставка принята. Тааак, вы все видите на экране.

Сердце дубасит.

– Так-так, продолжаем...

Качок наматывает мои волосы на кулак, голова принудительно откидывается назад. Морщусь от яркого луча софита, ударившего в глаза.

Глава 4. На столе для прилюдного осмотра

– Да-да, свет очень яркий, а потому замечу, глаза светло-голубые, ресницы длинные, грудь натуральная, третий размер – ничего искусственного, все свое. Тааак, перейдем далее...

Качок берет меня за плечи и, как юлу, вертит в пол-оборота. Поворачивает спиной.

– Упругие ягодицы, девушка молодая. Замечу ещё раз – *девственница*.

Дзынь.

Опять звон.

– Таак, хорошо. Я вижу интерес, а значит переходим к следующей части. Прошу...

Латексными перчатками качок касается моего плеча и разворачивает к пьедесталу.

– Лезь, – велит.

Дёргаю руками, но штука высокая, тут только с чьей-то помощью. Или унизительно карабкаться. Сплошной высокий куб. С какой стороны мне на него...

– Лезь как на стол, говорю. Все так лезут.

Опираясь руками, пытаюсь подтянуть коленку, унизительно позорно карабкаюсь.

Качок даже не помогает.

Кое-как залезаю и ведущий оглашает:

– Ловкая! На отлично справилась! Гибкая, подвижная, – усмехается и добавляет, – я бы даже сказал грациозная.

Едва залезаю, как сопровождающий качок дает новое указание:

– Раком вставай. Прогнись.

Не знаю что на меня находит:

– Я не буду.

– В смысле?

– Нет, – покрываюсь липким потом.

– Давай живо. Не дури.

Дыхание сбивается, в глазах мутнеет, зал идёт кругом. Доносится эхо игривого голоса:

– Выключите, пожалуйста, вращение. Ещё пока рано. Лот не готов.

Вдалеке послышалось “где пульт”, возня, нервозная перепалка. Ведущий говорит в микрофон:

– Лот не может подготовиться. Просим вас остановить вращение.

Всё идёт по кругу. Вспышка света, тьма, лицо качка. Он тянет ко мне руки, но я отползаю, ползу к краю, на ватных ногах спрыгиваю с этой штуковину и, куда глаза глядят, бегу.

– Попалась, сладенькая, – мужские руки хватают меня за плечи, трогают грудь, липко скользят вниз. Приторно-мерзкое лицо извращенца, секс-маньяка, козлиная борода, потные руки лезут повсюду.

От такого потом не отмыться. Если, конечно, остаться живой.

Голос ведущего:

– Прошу вернуть лот на место. Он вами не оплачен, господин Тауэр.

Нехотя он отпускает, качок хватает меня за плечо и уже крепко и встряхивает.

Слышу в спину от этого мерзавца:

– Нежная сука. Я ее выкуплю.

– Делайте вашу ставку, с радостью примем.

– Погодите, – послышалось из зала, – давайте осмотрим лот до конца.

Постамент уже остановили, качок вновь затолкал меня обратно – толкнул в спину, поставил раком и грубо раздвинул мои коленки:

– Стой и не шевелись. А то убью.

– Девственница. Везде девственница, – поправляется ведущий.

Тишина.

Кашлянув, он продолжает:

– Вижу ваш вопрос на экране. Да, если клиент потребует – девушку осмотрит врач на предмет наличия девственной плевы.

Дзинь.

– О, какая высокая ставка, мистер Тауэр.

Качок давит мне на спину, под весом его кулака прогибаясь, коленки расставляются ещё шире. Чувствую, как губки расходятся в стороны, приоткрывая мою щель.

Так же широко раскрыта моя ппа — на всеобщее обозрение.

Звон монет начинает греметь не переставая, ведущий захлёбывается, перечисляя имена.

Про себя молю – только бы не Тауэр, мерзкий тип. Хотя... вряд ли кто другой будет лучше.

Дзинь,— пререзает тишину.

Дзинь. Дзинь.

– Попрошу нам объединить: показать лицо и, сразу анальное отверстие девушки.

Сопровождающий давит мне на шею, заставляет опустить голову, упереться ею в руки так, чтобы лицо было видно между ног. Шипит:

— Больше нагнись.

К щекам мигом приливает кровь. Наверное, вся что есть в теле.

От звона становится дурно. Чувствую себя жертвой, на которую сбежалась целая стая волков и теперь они борются за право первого.

Первого на меня.

Ведущий даёт указания качку, от ужаса ничего не слышу, голова свисает вниз, кровь пришла к ушам. Он касается меня в разных местах – давит на спину, тянет за соски и даже раздвигает мои ягодицы, выставляя на всеобщее обозрение попу, сам маленький анус, от страха сжатый.

– Господин Тауэр раз. Господин Тауэр двааа... – тянет ведущий, господин Тауэр...

Только бы не он! Этот липкий похотливый взгляд. Противные руки и жуткая борода.

– ... три! Наши поздравления! Господин Тауэр, Ириска ваша! Попрошу подойти к нашему администратору...

Меня проняла дрожь. Казалось, уже ничего не может быть хуже.

Качок, ухмыляясь, сказал вполголоса: “Эх, не повезло тебе, сучка. Даже жалко тебя как-то. Держись”.

Глава 5. Проверка на невинность

Качок спускает меня с постамента, ведет голую по коридору, даже не дает чем накрыться. Будто я вещь. Пихает в спину – толкает в крошечную комнату: сырой пол, одна деревянная табуретка, двери нет, вместо нее металлические пруть. Как в клетке.

– Сиди тут, – на замок закрывает решетчатую “дверь”.

– Клиент требует осмотра, нахрена они ее туда-сюда, блядь. Мне за ней ходи, – накачанный жалуется другому такому же бруталу, – развели своих сук, блядь.

Дверь с грохотом открывается:

– А ну пошла! Дернёшься бежать – башку снесу. Понятно? – он замахивается, но не ударяет.

Рядом другой, ухмыляется:

– А чё, телка молодец. Жопой приложилась, так Тауэр за нее такуую сумму выложил! — он округляет глаза.

Мой сопровождающий грубо хватает меня за локоть.

– Мне похуй.

– Эх, яб тоже погрелся с такой, было бы столько бабла.

– И ты бы их на сук сливал? Да на такие бабки, – он кивает в мою сторону, – можно месяц тусу мутить и жить охуенно. Нахер мне эта сука с ее жопой и пиздой.

Он подводит меня к двери и, открытая, говорит:

– Только из рук в руки. Эта дрянь... Сам знаешь.

– Знаю, – к порогу подходит мужчина в белом медицинском халате.

– С ней прям жёстко надо.

– Согласен.

– Короче, на, – толкает меня так, что я влетаю в белоснежный медицинский кабинет.

Тауэр – узнаю его рожу сразу – сидит в белоснежном кресле, развалившись.

– Лот премиальный, ждём босса, – говорит врач, – а пока надо распятть девочку, – крепко держит меня за руку, подводит к гинекологическому креслу, толкает и сразу пристегивает руки и ноги.

На рожу Тауэра не смотрю. Врач продолжает:

– Вот агрегат, – показывает не зеркало, а маленький расширитель, в длину пару сантиметров, – им раскрою, вы сами все увидите, чтобы вопросов не было.

Шаги и громкий хлопок дверью:

– Начинайте. Я здесь.

Врач встаёт сбоку от меня, пальцами раскрывает щелку, вводит на самый краешек расширитель и разводит губки по сторонам.

– Девственница.

Тауэр подтверждает, его голос звучит хрипло:

– Вижу.

Киска впервые растянута, пока только самый вход, но уже неприятно и до того униЗИтельно, что хочется закричать во весь голос.

Сдерживаюсь, не хочу показывать свои эмоции. Спрячу их за маску полного безразличия, постараюсь быть холодной, может, даже окажусь ему противна.

Киску расширяют ещё и я невольно вздрагиваю, дергаюсь, пальцы царапают друг дружку, ноги дернулись так, что кресло издало пугающий звук.

– Какая чувствительная, – голос раздался сзади меня, за креслом. Неспешные мерные шаги. Мужчина подходит ближе, останавливается, я его не вижу, он где-то сзади. Его руки ложатся на мой лоб, за голову он вжимает меня в спинку кресла, приникает к уху, – такая яркая реакция...

По коже мороз.

Он обходит кресло — статный широкоплечий брюнет, высокий, одетый во все черное — и встает прямо между моих ног.

Глава 6. Терпи, Ириска

К щекам бросается кровь. Почему-то такой реакции на Тауэра не было. Мышцы сами собой силятся закрыть раскрытую киску, резкий рывок — пытаюсь сдвинуть ноги, но оковы, понятное дело, не дают.

Он ухмыляется, вскидывает бровь. Говорит тихо:

— *Боишься?*

И добавляет еще тише:

— *Это правильно.*

Широкие плечи, темные глаза. Он не выглядит как киношный авторитет банды — мускулистый и грубый.

Нет.

Он выглядит дорого. Хрен знает с чего мне так кажется. Лучше бы на него не смотреть, но...

Его глаза заставляют меня это делать... Карие, темные как тьма.

В его лице жарким огнем страсть, но она совершенно другая — он будто затягивает меня, всасывает, соломинкой меня пьет и я послушно льюсь к нему... в него...

Сзади виднеется Тауэр — мерзкий урод, выродок, грязный подонок.

— Крошка, — босс говорит тихо и резко щелкает пальцами. От внезапного звука вздрагиваю, по спине пробегает струйка пота, в глазах плещется страх.

Он смотрит на меня... и улыбается — хищно, опасно, так что мороз по коже. Глядя на такую улыбку надо бежать, но я готова прямо сейчас ринуться к нему в пасть, и если бы не оковы...

Хотя бы просто дотронулась до этого горячего тела, крепких мышц, коснулась бы его щеки. Она горячая, смуглая, на ней видна жесткая щетина, наверное, колкая на ощупь

Пальцем он касается моего колена, начинает медленно вести вверх... Едва касаясь, легко, и что странно — он совсем не опускает глаз, не смотрит туда, где все раскрыто для него... для них...

Он смотрит в глаза.

Становится страшно от внимательного взгляда. Надо опустить глаза, не смотреть, чтобы не дразнить и самой еще больше не бояться.

Но не могу.

Даже через силу. Как кролик идет в пасть удава, так и я смотрю на того, кого называют тут главным. Шефом. Боссом.

Коршун. Возможно, это он.

Смотрю через боль.

Его палец дошел до ямки, еще секунда — и он уже тронет лоно. Замечаю, как сбоку недоволен Тауэр, ведь я его жертва, это он должен... Он...

Но боссу плевать. Он касается губки и водит вокруг, не трогая клитор. Смотрит в глаза жадно, повелевая меня отвечать ему тем же — смотреть.

Хватает, зажимает клитор между пальцами, я подпрыгиваю от искры, от огня, закусываю губу. Глаза лезут на лоб, колени дергаются, пальцы нервно царапают ладони, даже пальцы ног сгибаются.

— Ммм, — не могу сдержать стон. Он срывается с губ, контакт глаза в глаза...

Он смотрит так, будто уже... меня...

Говорит низким голосом, практически басом влажным, обволакивающим, но строгим:

— Терпи, Ириска... Терпи.

И продолжает давить, на мгновение отпускает и снова сдавливает. Жмет и водит пальцем между губок, касается щели, вскидывает бровь — довольно отмечает, что я потекла.

Начинаю млеть от его рук, закрываю глаза, от страха не расслабляюсь, но ощущения заставляют меня вспотеть.

Дышу глубоко, сердце бьется часто, я доверительно расслабляю ноги, полностью отдаю себя его власти...

.. это неконтролируемо...

...то, что он со мной делает... умом я понимаю, что теку от бандита, от криминального босса, от авторитета...

Но по-другому не могу.

Начинаю сильнее дышать, киска сжалась судорожно, ртом хватаю воздух...

Босс резко убирает руку, с его губ слетает грубое.

— Ясно.

Уходит и хлопает дверью.

Из ниоткуда появляется врач, расстегивает оковы, вызывает качка для сопровождения и говорит Тауэру спокойное:

— Вы можете идти. Девушку сейчас приведут.

— Не спорь с ним. И не беги, слышишь, красотка, — качок говорит миролюбиво, — такие как ты у него на раз.

— А какая я... — еле говорю, слова стопорятся в глотке.

— Неопытная. Кожа у тебя тонкая. Вряд ли ты умеешь хорошо терпеть боль.

— Боль... Что он будет делать?

— Истязать.

Мороз по коже. Тошнота громоздким комом подкатила к горлу.

— Как? — спрашиваю, а саму уже выворачивает от страха.

— А я откуда знаю. Из под него девки все в порезах выходят. С ранами.

— Он что...

— Он постоянный клиент. Берет самых дорогих. За прошлую суку, кстати, он так до конца и не расплатился, прикончил ее случайно, а там неустойка...

Его слова меркнут, сердце стучит бешеным гулом.

Я попала в логово бандитов, в их притон, где пользуют одноразовых шлюх и никто их потом не ищет.

Некому искать.

У меня есть Андрей... был...

Ириска, — как ножом по сердцу, чувствую себя ивой, которая плакала когда мы на ней вырезали: И + А = навсегда. Теперь Андрей режет по мне, по моей коже, хоть его и нет рядом, но то, что происходит сейчас — по нежной коже остро-заточенный нож.

По-живому. По сердцу.

Подстава. Самая страшная.

Криминал.

Качок подводит меня к двери, указывает на ручку, говорит тихо:

— Если будешь на все соглашаться — есть шанс, что останешься жива.

Медлю до последнего, так, что мой конвоир уже теряет терпение, кидает грозное:

— Тебе все равно деваться некуда, — его рот раздирает зевота. Ему пофигу. Плевать, что меня искалечат, а может и вообще убьют.

Ему похер.

Андрею похер.

Внутри закипает злоба и бешеное желание выбраться из этого живой. Любой ценой. На все пойти, лишь бы...

— Иди уже. Бежать не выйдет, — он толкает меня в спину и открывает дверь.

Глава 7. Первый клиент

И я проваливаюсь как в пустоту в темноту комнаты.

Мягкий коврик около двери. Темно.

Вдалеке горит свет, но я бы на все пошла, лишь бы его не видеть и не увидеть.

— Замри, — слышу противный голос с нотками сласти, — опустишься на колени.

Надо на все соглашаться. У меня одна цель — остаться живой.

Перебарываю желание завизжать, кинуться на него с кулаками, попытаться хоть как-то отстоять себя.

Свою жизнь.

Но, может, отстою если соглашусь... Если буду покорной, на все согласной.

Опускаюсь на колени — без рук, они висят на вдоль тела. Он указывает:

— На четвереньки. И ползи.

Опираюсь ладонками об пол и, как животное, ползу ему навстречу. Еще не вижу где он, но ощущаю, что мучитель основательно подготовился. Он возбуждён до предела и еле сдерживается, чтобы не наброситься прямо сейчас, в эту секунду.

— Ползи сюда.

Он вальяжно сидит в широком кресле, нога на ногу, его ботинки блестят маслом.

— Хорошая девочка. Открой рот.

Тут же выполняю, за что получаю оплеуху, он ударяет меня по щеке с силой, наотмашь.

И сразу ласково, по контрасту, вновь повторяет:

— Давай ещё раз. Открой ротик. Смотри в глаза.

Не понимаю, что было не так, наверное, не смотрела в глаза. Теперь страх прокатывается липким потом по телу. Опять открываю рот так же — и в этот раз мучителя все устраивает:

— Высунь язычок.

Высовываю, опускаю его вниз, вывожу за губы, он хватает его двумя пальцами — цепкие, сухие, мой мокрый язык быстро вырывается.

— Ну ничего. Вставим кольцо.

Он опускает руки ниже и хватает меня соски, притягивает к себе, заставляя, буквально, навалиться телом на его пенис. Навалиться грудью. Отворачиваю голову в сторону, чтобы не смотреть на него, не поднимать голову и не смотреть в глаза.

— Детка... — берет мои груди в обе ладони и трогает ими пенис через ткань брюк, — давай, поработай сама.

Беспрекословно тянусь к его ремню, но он ударяет по рукам, и следом острый болезненный удар по заднице.

Щиплет соски, выкручивает, тянет к себе, гладит ими член через ткань брюк. Чувствую какой он вставший, крепкий, как он подрагивает и становится страшно от того, что вскоре меня ждет..

Пальцем он касается моего подбородка, заставляет посмотреть в глаза. То, чего я так не хотела. От чего отворачивалась, чтобы не видеть...

А сейчас покорно смотрю, стоя на коленях, задрвав лицо вверх. Смотрю в его глаза. В них плещется извращённая сласть, от которой становится дурно.

— *Сейчас папочка будет пороть.*

В его руках плеть. Не успеваю рассмотреть, как вздрагиваю, жмурюсь и вою — он ударяет меня еще.

Жгучая боль.

Плетка трудится постоянно, успеваю увидеть в воздухе ее ленты — плотные, толстые, будто по несколько штук переплетены в косички. Таких раньше я даже не видела ни на картинках, ни во взрослом кино.

Боль.

– Ууу, – захожусь в болезненном крике, сдерживаюсь, чтобы слезы не брызнули из глаз.

Кусаю до боли губу, наверное, до крови.

Удар.

И ещё.

Он с силой притягивает мою голову к ширинке, всё ещё не расстёгивает брюк. Заставляет терпеть о его пах, нащупывая член через ткань. Притягивает за волосы и взмахивает плетью, удар выходит острым, обжигающим, слезы наворачиваются, на глаза, сглатываю нервный ком, уткнувшись в пах кричу...

Он порет ещё.

С силой.

Поднимает руку высоко при замахе, я успеваю это увидеть, понять, что в этот раз будет особенно больно.

– Ааа, – уже не могу терпеть, дергаюсь, тело брыкается, но он удерживает меня за волосы. Слезы каплют на ткань его брюк. Он это замечает, пальцем подхватывает слезинку:

– Вот как? Ты плачешь от моих игр? Может, ты не хочешь быть со мной? – в его интонации четкий неприкрытый садизм и лучше его дальше не распалить.

– Простите, хочу.

– Тогда вытри слёзки. Давай, детка, успокойся, – его рука касается моих волос, вздрагиваю, но он просто проводит, типа гладит, – ну-ну, покажи мне как ты хочешь ощутить мой член.

Он касается ширинки, через ткань сжимает орган.

– Я... я правда...

Пристально смотрит в глаза, от его взгляда хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть.

– Хочешь? Тогда тебе придется доказать.

Глава 8. Мистер садист

Он резко встаёт, отталкивает меня коленом, раскрывает черный шкаф и берет оттуда устройство, внешне напоминающее пьезо-зажигалку для газовой плиты. Нажимает на кнопку и оно скворчит.

Что это?

Поигрывая, он подходит ко мне, касается ею кончика соска и раздается громкое трррр.

Взвизгнув, отшатываюсь.

В ужасе широко раскрываю глаза от бешеной вспышки боли, дрожи и страха.

— Вернись.

Ток. Эта штука прожигает током. Боль молнией пропарывает все тело до скрежета зубов, до зажмуривания глаз.

Сглотнув, возвращаю телу прежнее положение.

Он подносит устройство ко второму соску и смотрит в глаза. Не нажимает, а ждёт, питаюсь моим страхом, ужасом, ведь теперь я знаю какая лютая боль скрывается за щелчком кнопки.

— После каждого раза благодари. Ты поняла меня?

Быстро киваю.

— Скажи вслух.

— Да... поняла...

— Оближи ротик. Покажи какая ты послушная, что ты понимаешь, что папочка не зря тебя наказывает.

— Да...

— Встань на коленки, ровно. Да, выпрямись, — он дёргает за сосок, — руки убери за спину. Даа, детка.

Жало все ещё около соска, он проигрывает пальцем у кнопки и жмёт, но на этот раз дольше, тело само отшатывается, заходясь в истерике, кричу.

— Ну-ну, спокойнее. Тебе же на пользу.

Пальцем он касается плеча, требуя, чтобы я встала ровно.

— Жду.

Еле дышу, ничего не слышу, не понимаю, сердце стучит в ушах гулом.

— Что надо сказать папочке?

— Благодарю.

— А правильно как?

Слезы застилают глаза, поднимаю на него лицо — непонимающе смотрю: чего он от меня хочет.

— Я... благодарю вас...

— И закончить правильно... — он подхватывает пальцем мой подбородок и заканчивает фразу за меня, — ... благодарю... тебя ... **отец**.

Мне стало тошно от таких слов. Называть отцом не просто незнакомого мужика, а явного извращенца. С ним что-то не то, он ненормальный, шизанутый урод.

— Да... отец...

Говорю и меня прожигает глубокая душевная боль.

Мой папа умер много лет назад, он тяжело болел, мама долго выхаживала, положила на его здоровье всю себя, всю свою жизнь.

Отец.

Последнее, что он мне сказал, когда еще был в сознании — взял за руку, слабо обхватил ладонь и, глядя в глаза, тихо произнес:

“Никому кроме себя не доверяй. Полагайся только на себя. И запомни, милая — сильнее тебя нет в жизни никого. Все проблемы тебе по плечу”.

*Вскоре, через год, вслед за отцом ушла мама и мне пришлось быть сильной...
... несмотря ни на что.*

Глотаю слезы, встаю, опускаю глаза в пол. Он касается лица, пальцем смахивает мою слезинку и пробует на вкус.

– Это вкус твоей боли, – цепляет пальцем мой подбородок, – хочешь узнать, какая твоя боль на вкус?

Грубо он хватает мои волосы на макушке, голова принудительно запрокидывается, рот открывается. Его пульсирующая ширинка в миллиметре от моих глаз.

– Сейчас попробуешь. Ну-ну, успокойся, не бойся так. Высуни язычок, покажи послушный ротик папочке.

Не понимаю что он придумал ещё, высовываю и округляю глаза от ужаса. Жало этой штуки он подносит к моему рту, к языку.

– Сейчас обожжет, тебе будет немножко больно, детка. Скажи, что ты этого хочешь...

Нет. Я этого не скажу. Смотрю ему в лицо и леденею – маньяческая сладость плещется в его глазах, вот-вот перельется через край.

Нет сомнения, он явный извращенец. Это мучитель, не удивлюсь, если беглый маньяк, потрошитель, садист.

Говорю напуганное до смерти:

– Я... этого...

Он вскидывает бровь.

– прошу не надо, – умоляю, падаю в ноги, плечи судорожно трясутся от рыданий, слезы застилают глаза, – я... я не по своей воле здесь. Я...

– Меня это не интересует, девочка. Ты моя и теперь живешь по моим правилам.

Реву, захлебываясь в слезах, но уже молча, плечи дрожат, сотрясаются от рыданий. Он кладет руку мне на плечо, устройство задевает нижнюю губу, но кнопку пока не нажимает. И говорит голосом тихим и абсолютно спокойным:

– Продолжим. Открой рот. Высуни мокренький язычок.

Глава 9. пытки

Жгучий удар тока касается языка и я отшатываюсь, отползаю и, теряя равновесие, падаю. Сглатываю, рот пересыхает от страха, и вместо визга я уже просто хриплю.

Отползаю от него подальше, инстинктивно, он шагает на меня, резко останавливается. Приказывает уже сурово, в его голосе закипает настоящая неподдельная власть, жажда указывать и заставлять повиноваться:

— Идем к папочке, девочка. Будешь учиться.

В ужасе закрываю рот, еще одного такого удара током я не выдержу. По языку особенно больно, ужасно страшно, ток пробирает словно по всему телу, он проносится вспышкой даже в голове.

— Даю пять секунд. Или я вспорю твою задницу.

Я не поняла что он имеет в виду, но от страха пошла как на закляние, готовая на все.

Он заставляет встать перед ним...

— Ровно, я сказал...

Выпрямить спину, руки сковать сзади замком, смотреть ему в глаза.

— Когда говорю смотреть — смотри. Радуй своего папочку.

Убила бы этого урода, в мыслях мелькают сцены из фильмов, где женщины душат или ударяет по башке мужчин. И ведь получается у них, может, мне тоже...

Но я покорно стою, сцепляю руки замком, для пущей уверенности, что не наврежу.

Не наврежу себе.

Стою.

— Открывай рот, — и подносит два пальца ко рту. Замечаю, его член уже вовсю пульсирует в брюках. Наверное, сейчас заставит взять в рот, мне придется сосать.

Уж лучше так, чем...

Два пальцы, сложенных вместе, касаются моих губ.

— Терпи. Держи спинку ровно, не даvisь. Расслабь горло. Если дернешься, то... — он подносит к губам штуку с током, — то получишь разряд.

Я никогда...

Никогда не... Я не знаю что это такое.

— Я не умею, — шепчу тихо.

— Будешь учиться. Я же сказал уже.

Да. Сказал.

Покорно открываю рот и сразу до горла входят два крепких пальца и жестко давят на корень языка, так, что спазм подходит к горлу и начинает тошнить.

— Дыши.

Он видит, как я терплю, как мне тяжело, как плечи дергаются от накатившего спазма.

— Дыши через нос. Смотри в глаза.

Желание выплюнуть его пальцы атакуют и я срываюсь на кашель. Вмиг мой сосок обжигает ток.

— Высуни язык.

Дрожа, высовываю, по языку попадает мощный разряд. Визжу, от страха хрип разрывается на тонкий истеричный визг. Насильник бросает устройство на пол и гладит меня по волосам.

Он знает, ему можно все. Мне никто не поможет. Это страшное место, бандитский приют и бардель для шлюх. Тут все кричат, стонут, ноют и их потом...

Нет, это не коснется меня.

Папа. Я так ярко вспомнила своего отца, что внутри все перевернулось, меня затрясло, словно дикая львиная сила вошла в мое тело.

Я обещаю: я выдержу, я смогу.

Он вынимает из брюк член, скорее, вываливает. Подрачивает им, держит стояк у корня, направляя головку мне в рот.

Неприятный, жилистый, большой... Наверное, большой. Толстый. Смотрю на него и с ужасом представляю, как я возьму это в рот.

Потом не отмыться.

Не оттереть губы и душу. Но это не главное. Важно другое...

Главное, чтобы *было* это *"потом"*.

Растягиваю губы, он пальцем давит на нижнюю челюсть и член мигом толкается в горло. Отшатываюсь, но тут же заставляю себя ровно встать.

Правильно встать. Как ему надо.

Он хватается за волосы, за затылок и с силой прижимает мою голову к паху, член заходит так глубоко, что перекрывает мне воздух.

Мне нечем дышать. Паника завладело всем моим телом. Он решил так убить, наверное. Задушить.

Всеми руками толкаю его в живот, верчу головой, *с силой сжимаю челюсти и слышу его сдавленный стон.*

— *Сссука...*

Он отталкивает меня, берет в руку член и смотрит. Вижу, на голове выступила кровь.

Глава 10. А ну, девочка, иди сюда!

Холодею.

Но зато я жива.

Отползаю далеко как могу.

— Ну ты ссука...

Он берет в руки длинную плеть и жестким стальным голосом приказывает:

— А ну, девочка, иди-ка сюда.

В башке мешается все — слова качка, что надо во всем его слушаться и внутренний голос, который орет — *БЕГИ!!!*

Но куда бежать? Дверь явно заперта.

Он надвигается.

Я начинаю бежать по кругу, просто по комнате, перепрыгивая через кресло, наступая на кровать, перебегаю и через нее. По спине бежит пот, я понимаю, что рано или поздно это все кончится и вряд ли чем-то хорошим для меня.

— Решила побегать от папы? Ну-ну, красавица...

Его голос не сулит ничего хорошего, я это слышу и просто бегу.

Вновь кровать, маленький стол, глубокое кресло и угол за шкафом.

Оббегаю, уже чуть не падаю без сил, не свожу с него глаз и попадаю ногой на эту штуку — устройство с током, скольжу на ней и лечу на пол, ударяюсь о кровать головой.

Он хватает меня за волосы, накручивает на кулак и шепчет:

— Ты смогла завести папочку как никто другой своей беготней. Хорошо, что зубки не остренькие... А то бы я их выбил тебе. По одному.

Трясет. *Смотрю на его лицо, пытаюсь запомнить, найду потом в графе “разыскивается маньяк”.*

Главное, выйти живой.

— Как мышка бегаешь... А знаешь, чего боятся мыши?

Он показывает мне плеть, сует ее прямо под нос и говорит мерзким похотливым голосом:

— Мышеловок, которые держат их за хвост! — хватает меня за волосы и удерживает и длинной плетью ударяет по попе.

Такой силы удар, наверное, может свести с ума.

Не стону, не кричу, а вою и ору во весь голос — уже хриплый, сорванный, надломленный.

Порет еще.

Ор переходит в слабый болезненный стон, я ложусь на грудь, буквально падаю, стоять на четвереньках уже нет никаких сил.

Дикая боль обжигает зад.

Секундой позже огонь приходится на спину — на лопатки, по ним проходит страшная длинная плеть. Проходится и припечатывает.

Он так заперет до смерти.

Уже без сил лежу, ощущаю новый удар по заднице и чувствую, что близка к отключке.

Оно и к лучшему, — проносится в голове. Содрогаюсь от новой порции боли, тихонько, почти неслышно плачу, и от бессилья закрываю глаза.

В темноте коридора бешеный шум, звук выбитой двери — удар ее об стену. Топот. Четкий властный бас.

— Поговорим.

Пытаюсь открыть глаза, поднять голову, но внутри все гудит, гремит, словно тягучее масло переливается. Властная рука давит на затылок, подчиняюсь. Слышу голос Тауэра, но он вдалеке:

— Че ты, давай спокойно...

— Нет времени.

Этот же голос — терпкий глубокий бас, только теперь в этом уже знакомом голосе я не слышу страсти.

— Кредиты закончены. Как и твоя игра.

До меня доходит, что происходит что-то невероятное, я в центре криминальной разборки и меня в любую секунду могут застрелить.

Сложно сказать, что лучше — пуля или пытки маньяка-садиста.

Дышу, ощущаю, что рядом, вроде, никого нет. Тихонько приподнимаю голову — да, на кровати пусто. Опираюсь на руки и сажусь.

В комнате трое бандитов и по центру тот самый... Босс.

Трое таких же мускулистых, крепких, во всем черном. Они стоят впереди, а он — в отдалении.

Двигаю затекшей ногой, раздается досадный шорох и *босс переводит взгляд на меня.*

Глава 11. Контроль в душевой

По телу пробегают дрожь, но страха нет, его взгляд как будто способен обезболить и вынуть всю изнанку, убрать ее, чтобы не мешала. Про все страхи забыть.

Опускаю глаза в пол. Может, прокатит, что я якобы ничего не вижу-не слышу... Может, простят.

Но он указывает на меня, показывает пальцем в мою сторону и я мысленно прощаюсь с жизнью. *Эх, papa-papa прости, что я не смогла...*

Ледяной тон, интонация полная власти:

— Стоп. Сначала эту убрать.

Ко мне надвигается его помощник, в один шаг он оказывается рядом, но босс тут же кидается на него, хватая за локоть и шипит:

— Блять! Ты че тупой мазафака, я сказал увести.

В глазах помощника читаю страх, который быстро прячется под маской согласия.

— Я понял босс.

— Башкой отвечаешь. Тебе все понятно?

Помощник хватается за локоть, не могу нормально опереться на ноги, они будто ватные, слабость в коленях, башка трещит. В теле кипятком разливается боль.

Он тянет меня за руку, кое-как перебираю ногами и слышу грозное:

— Аккуратнее тащи. Береги ее как свою задницу.

Помощник подхватывает меня на руки и выносит на белый коридорный свет.

У меня даже нет сил хоть как-то держать голову, обессиленная, лежу на его упругом большом плече.

К лучшему это или...

Громкий хлопок. Выстрел. Слышу своими ушами, воочию, можно сказать. Как в кино, точь-в-точь.

Пытаюсь оглянуться, поднимаю голову, помощник хмыкает мне в лицо и миролюбиво обращается:

— Че, интересно стало?

Молча киваю.

— Не любишь, наверное, кишки на стенах, — похохатывает.

Подмывает спросить “чи”, но лучше этого не делать. Не лезть. Это их разборки.

Подходим к двери, он опускает меня на ноги, открывает ключом и заходит первым, включает свет и только потом пускает меня. Поддерживает, когда я валяюсь, не могу устоять.

— Сиди. Или иди на кровать. Вон, — кивает в сторону комнаты, — или в душ, если тебе надо отмыться.

— Где я?

— В перевалочном пункте.

— Зачем?

— Меньше знаешь, ночами спишь, а не висишь кишками на стене, — опять ржет и показывает ровные белые зубы.

— Я... Он хочет меня убить?

— Тебя?

— Ну да.

— Не знаю. Может.

Мелькнувшая надежда с грохотом бульдозера летит вниз.

Зачем тогда это все, это псевдо спасение, если он то же самое...

— Он тоже...

— Босс главный. Он делает все что хочет. С сучками тоже, со своими. Клиенты творят жесьть только с его разрешения.

Холодею. Страшно. Это авторитет, криминальный босс. Он может все что угодно, это зверь, а не человек, ему на все плевать.

— И.. что он хочет сделать со мной? Я буду теперь... его?

Его сучка. О боже.

Помощник устал от моих разговоров, презрительно кидает:

— Не знаю. Замолчи.

В полной тишине усаживаюсь на кровать, смотрю в сторону ванной и прошу искупаться.

— Без шалостей. И дверь чтобы открыта.

Киваю, на некрепко стоящих ногах иду в душ.

— Вали.

Намыливаюсь и сквозь тоненькие струйки воды — специально не включаю воду громко — слышу знакомый голос, интонация дружелюбная.

— Че, все?

— Все.

— Правильно, — соглашается помощник, — его давно пора.

— Не спрашивал твоего мнения, — звук шагов, скрип движения по полу стула, — сучку куда припер?

— Сюда.

— Блять. В смысле.

— Она в душе. Попросила искупаться.

— Ну ты гандон!

Дверь душевой с грохотом открывается я еле успеваю прикрыться — закрыть грудь руками и скрестить ноги.

Из комнаты голос помощника:

— А че? Ты сам же сказал...

— Заткнись.

Он посмотрел — во взгляде контроль и жесткая власть. На миг в глазах скользнула жаркая молния, но он не стал ее разжигать.

Быстро закрыл дверь. Ушел из ванной.

Вернее, не просто закрыл.

Дверь хлопнула так, что могла бы сорваться с петель или треснуть на половинки. В страхе, кладу лейку вниз, прислушиваюсь: тихий разговор. Не обо мне. Про дела, обсуждают какую-то сходку, места и в конце громкое:

— А щас вали. Понял?

Пара секунд — и хлопает входная дверь. Тут же открывается моя, успеваю поднять лейку до того, как он меня увидит и про себя тихо молюсь богу, повторяя бесконечное *“господи, спаси”*.

Глава 12. Авторитет

— *Спасу.*

Смывает на меня строго, но сквозь строгость проступает огонек игривости.

— *Я читаю по губам,* — опускает глаза вниз, осматривает меня как товар, — и тебя научу, если захочешь. Хочешь? — касается плеча и проводит пальцем вниз.

Вершинки сосков миготом откликнулись на его прикосновение. Наверное, это душ — распалая, горячая, поэтому тело так реагирует. Правда, от кипятка поначалу так взвыли раны и ссадины, но вскоре тепло окутало их и стало чуточку легче.

Совсем чуть-чуть.

Его взгляд буравит мою грудь, смотрит внимательно, жарко. Он зажимает сосок между двумя пальцами, но делает это совсем не так, как тот противный ублюдок.

Он делает и смотрит в глаза. Наблюдает, как страх подкатывает к горлу, но вместе с тем что-то пламенное жаркое — к животу.

Наверное, это все виноват душ.

Он сжимает сильнее и смотрит мне в лицо, наблюдает, как мой рот приоткрывается, как я мучительно беру вдох и собираю губы в болезненное:

— Ммм...

— Чувствительная крошка, — опять он замечает как бы себе.

Опять его взгляд опускается вниз, он смотрит на мои ноги, поднимает взгляд выше. Отходит, быстрым движением снимает майку через голову, расстегивает джинсы, спускает их вместе с бельем.

Мой взгляд приковывает член. Не могу не пялиться, он такой торчащий, стоячий, взгляд упирается только туда.

— Нравится, крошка?

Он подхватывает его у корня, сжимает, движет рукой по нему вверх-вниз, вернее, от себя-к себе.

Смотрю как замороженная.

Помню, что молчать нельзя. Нужно на все соглашаться, кажется, так говорил качок про того, другого — как сберечь свою жизнь. В башке все сплетается в единую страшную круговорот, я понимаю, что и этот сейчас будет то же самое. Но с ним не так страшно... почему-то...

Не могу понять почему.

Он обхватывает меня за шею, касается соска и тянет за грудь. Тянет вперед, к себе, но вместо страха ощущаю томлящую негу внизу живота. Непонятное чувство, новое.

Он направляет струю душа мне на грудь и сильнее сжимает пальцы. Тепло и огненный огонь прошибают тело, потом уставшую замутненную страхом голову. Хочется закричать, но сил нет никаких, а потому тихо стону "mmm".

Он опускает душ вниз и острой струей направляет прямо на клитор. Вздрагиваю, но он держит крепко и говорит на ушко опасным шепотом:

— Ччч... Не бойся... Теперь ты моя.

Сглатываю в страхе, так и есть — теперь меня будет насиловать авторитет криминальной банды.

Ему можно все.

Он касается моих рук и разводит в стороны, поднимает вверх, заставляет убрать за голову:

— Стой вот так.

Переключает душ на тонкую струю и направляет на соски.

Под напористой струей сосочкам становится больно, кусаю губы, дышу, воздуха становится мало из-за горячей воды — широко открываю рот.

Он вешает душ, подходит ко мне вплотную... в живот упирается горячий член. Ладонями он обхватывает мою голову и слегка запрокидывает, наклоняется и настойчиво целует. Руку опускает вниз, касается клитора — дрожу от яркого огня.

Опускаю руки, думаю уже можно, но оно тут же ударяет, шлепает, как наказывает. Возвращаю обе руки за голову, стою полностью лишенная воли сучка.

Важно помнить: он авторитет. Будет делать что хочет и как хочет. А я...

Становится страшно. Губы замирают, но он сильнее давит на клитор и я подсакиваю как от молнии, как от огня.

Он начинает целоваться с языком, вводит его глубоко, водит им с силой, подчиняя.

По одному только поцелую видна вся его власть.

Закусывает мою нижнюю губу и прикусывает. Остро, больно, так что я вздрагиваю.

— Сладкая.

Поворачивает к себе спиной, приказывает горячим тоном:

— Упрись руками в стену.

Упираюсь. Он берет в руки гель, мажет им мою шею, спину, опускает ладони ниже и проводит между ягодицами.

Дрожу.

Пальцем он касается задней дырочки, маленькой, сомкнутой и легко надавливает. Вмиг сжимаюсь, с губ слетает боящееся взволнованное:

— Ууу, — тонко, испугано.

Он прижимается ко мне сзади, палец неглубоко, но все еще держит в попе. Мягко, потихоньку, он проталкивается вглубь.

— Ммм, — закусываю губу. Не могу определиться, вроде бы больно, но вместе с тем клитор пылает от ласк, горячий душ расслабляет. Боль смешивается с чем-то мягким, томным, сладким, я ее чувствую, но отмахиваюсь. Пытаюсь сосредоточиться на другом.

— *Ну что, не будешь же лишаться девственности с незнакомым мужчиной? Ты же хорошая девочка, да?*

Он проводит ладонью по спине, давит на поясницу, заставляя выгнуться.

Не понимаю к чему его вопрос, не знаю что ответить, не понимая киваю и...

— *Сохранишь целку, ты же умница. А незнакомцу подставишь попку.*

... ощущаю как заднюю дырочку трогает горячий возбужденный член.

Глава 13. Очень боюсь

Нет!

Он так же изнасилуется, как и тот — маньяк ненормальный. Да еще и так страшно, больно и унижительно. Член давит в попку, я резко дергаюсь, оборачиваюсь, смотрю на него в страхе. От боли прикрываю ладошкой попу, тупая боль — кажется, что член еще там, все еще давит.

Больно.

Сглатываю.

Смотрю ему в глаза. Говорю одними губами:

— Я очень боюсь.

Молча, он разворачивает меня спиной и говорит пугающее:

— Не бойся. Сначала расширим.

Голый, выходит и душа и возвращается с черными игрушками в руках.

Прямо тут... В душе... Обреченно стою, не смею даже переменить позы. Раны под кипятком уже не болят, но когда он касается них — невольно вздрагиваю.

— Больно было? — он касается одной из свежих ран.

Киваю. Да.

— Ты плакала?

— Нет.

— Терпела?

— Я.. убегала.

Вскидывает бровь, заходит в душевой отсек, с интересом спрашивает:

— Ты... бегала от него? — вижу в его руках пробку и смазку.

— Да.

— А он догонял и порол?

Опускаю глаза. Сам босс точно такой же. У одного плеть, у другого анальная пробка и не знаю что из них хуже. Уверена, что вставлять инородный предмет в попу намного больнее, чем получить по спине плетью.

— Молчишь. Что же. Ладно. Упрись сильнее, — он мягко давит на поясницу, заставляя прогнуться и сильнее облокотиться руками об стену. Попы касается инородный предмет, давит не так страшно, как член и я только успела пискнуть, как он уже вошел в попу.

Мышцы сфинктера нервно сжимаются, ощущаю остаточную боль, но сейчас уже попа не болит. Он нажимает на пробку и боль дает о себе знать:

— Ууу...

Разворачивает лицом, смотрит в глаза, проводит пальцем по щеке, опускает на губы, оттягивает нижнюю губу. Говорит властным голосом, не допускающим возражений:

— А пока, чтобы не скучать, займи делом твой рот.

Давит на плечо и я медленно опускаюсь, встаю на колени. Он наклоняется, проводит пальцем между моих ягодиц, поправляет пробку, толкает, нажимает на нее. Взвизгиваю, но тут же выдыхаю, держу спину ровно.

А перед глазами...

Нет.

Так крупно, как ни разу в кино! Я не могу смотреть!!

Отвожу глаза, но за волосы он меня притягивает и заставляет видеть член: крупный, с большой бордовой головкой, извилистые вены переплетаются.

Я должна сосать.

За волосы, за самую макушку он хватает и слегка откидывает мою голову, заставляет посмотреть ему в глаза.

— Скажи честно — многим уже сосала?

Скажу правду — не поверит.

Совру — убьет.

А если скажу, что нечаянно прикусила Тауэру... Нет, лучше умолчать об этом. Тот только ввел мне в рот и я сразу... от страха...

Я не умею этого делать...

Ни разу.

Никогда.

Говорю как есть:

— Я еще не пробо...

— Говори правду.

— Честно... я не умею... Тауэр... он грубо, меня затошнило, я испугалась... не получилось... Но с вами я... я смогу...

Интонация босса меняется на злобную:

— Этот подонок что, успел выебать твой рот?

Даже если так, я не виновата. В страхе, говорю как есть:

— Он только начал, а я... испугалась. Очень.

— Он спускал? Ты глотала?

— Нет. Он только дотронулся головкой и...

— Хах, — усмехается, — и ты от члена блеванула, да?

— Закашлялась.

Усмехается.

— Ну правильно-правильно, — с силой гладит меня по голове, только в этой ласке так мало внимания и так много собственной гордости.

— Ну... мой член для тебя как конфетка, да, моя крошка?

Киваю, сердце част стучит, заходясь в панике. Не дай бог сказала лишнего, но он сам полез, спрашивал всякое. Куда было деваться.

Торопливо беру в руку член, открываю рот и молюсь, чтобы желудок среагировал на это нормально. Подношу головку ко рту, жмурюсь, и слышу его властное командное:

— Стоп.

Глава 14. В рот

— Оближи губы... Вот так. Хорошо. Посмотри в глаза... Умница. Будешь все четко выполнять — самой же понравится. Слушай меня. И выполняй.

Голос четкий, командный, но если прислушаться — он плавится, искрится, как на свету терпкое красное вино.

Руки начали трястись, он это заметил и смягчил тон. Поверил, что девственница, а потому начал учить.

— Посмотри мне в глаза. Смотри не переставая. Глядя на меня, оближи губки еще раз. Даа... Еще...

Он кладет обе руки мне на голову, обхватывает за затылок и медленно притягивает к члену. От страха даже пробка в заднице перестала ощущаться, настолько член близко, что дрожат не только руки.

Я вся дрожу.

— Расслабь губки... Чуть приоткрой ротик... совсем чуть чуть...

Головка утыкается мне в рот, он водит ею, сминает губы. Подхватывает член у головки, крепко сжимает, мягко вводит самый кончик. Приятный солоноватый вкус с привкусом как будто терпкой специй.

Мягко он совершает первую фрикцию. Крупная головка лежит на языке, трется об язык и о небо. Он не пускает ее внутрь и мне хоть не так страшно.

Еще и еще мягко толкается, неспешно прибавляет темп.

Босс держит мою голову неподвижно, толчки становятся чаще и глубже. Головка проходит все дальше и дальше.

Рукой касаюсь члена, чтобы хоть как-то регулировать проникновение. Я видела такое в фильмах и только сейчас поняла: с рукой на стволе не так страшно.

Но...

Босс шлепает по запястью. Убираю и получается страшно: крепкий большой член и — напрямую мне в рот.

Он делает толчок и, одновременно, притягивает мою голову.

Член проходит уже глубже, касается горла — неоднозначное ощущение: будто дотронулись до того, до чего я сама — никогда.

Член пробирается туда, где каждое его касание — непривычно, а потому меня постоянно мучает спазм, он постоянно приближается.

Его руки начинают активнее насаживать мою голову. Теперь уже на каждую фрикцию моя голова, против воли, движется ему навстречу под руководством его рук.

За его спиной хоть и хлещет теплая вода, но спина покрывается потом вовсе не от температуры. Головка погружается все дальше, амплитуда становится больше, его ладони сильнее приближают мою голову.

Он толкается, моя голова работает усерднее под его нажимом. Уже не могу больше сдерживаться, волна спазма накатывает. Член начинает не просто сминать горло, а толкаться в него — глубже, дальше.

Тошнит...

Спазм нарастает, уже ощущаю его на подходе, вот-вот желудок психанет.

Упираюсь ладонями в его бедра, инстинктивно отталкиваю.

Он останавливается, но член не вынимает, перехватывает, поднимает за подбородок, смотрит в глаза. Делает легкие фрикции для собственного удовольствия, смотрит жестко, властно, говорит строго:

— Успокойся — это раз. Два — расслабь гортань. А три — будешь еще отпихиваться своими ручонками — прямо сейчас выебу в жопу.

Шлепает по лицу, по щеке, прямо там где его член, по головке.

Вынимает, освобождает мой рот. Облегченно дышу. Прогоняю спазм, беру глубокий вдох. Ммм, воздух...

Он наклоняется и касается пробки.

— Ааай!

Мышцы реагируют мгновенным сжатием, плотнее облегают пробку и в теле раздается острая боль. Подобно кинжалу или внезапно появившейся молнии боль пугает, в теле разливается страх.

Он еще раз с силой жмет на пробку...

— Ааах...

... хватает за кончик и начинает тянуть.

Острая боль. Игрушка растягивает, а кажется, будто режет... Кружочек попки плотно обхватывает игрушку и вынимать ее — жуткая боль.

Он медленно тянет игрушку и, наконец, она выходит. На глаза набегают слезы, с губ срывается даже не крик, а болезненный, полный страха, обиды и подчинения, вой.

— Аааай...

Вскрикиваю, как рабыня подвываю, хватаюсь ладошкой за попу.

Больно.

— Че орешь. Пробка тебя подготавливает. Могу и без подготовки отъебать жопу.

Его глаза прожигают во мне черную дыру.

Он вновь вставляет в рот член и пока движется мягко, но я понимаю, скоро будет быстрее, сильнее и жестче. Как только он закончит свой разговор.

— Я все равно выебу твою задницу. Но могу двумя способами: ты кончишь или ты не кончишь. Выберешь второй?

В страхе верчу головой. Послушно смотрю ему в глаза — они черные как ночь, страшные как ад. От них пахнет привычкой командовать и властвовать. И я беспрекословно подчиняюсь потому... что по-другому и не смогу.

Даже если бы мне было плевать на все вокруг. Даже если бы не страх смерти.

Я бы подчинилась.

Во всем виноваты его глаза.

Он смотрит на меня так, что я понимаю: он — это бездна, куда я запросто могу скатиться и больше меня не увидит НИКТО.

— Приступим, — он игриво касается моей попки и глубоко вводит туда палец. Понимаю, что это пока просто игра, а потому верчу головой.

— Или хочешь получить удовольствие?

Торопливо киваю, чувствую себя последней шлюхой. Но ощущаю, как низ живота начинает пламенно гореть. Мне хочется ласки между ног, мне так понравилось, когда он трогал клитор.

Босс говорит строго, словно отчитывает:

— Тогда сначала постарайся, крошка.

Обхватывает меня за затылок и с силой вводит член прямоком в зажатую от страха гортань.

Глава 15. В руках бандита

Как могу пытаюсь сделать это самое “расслабь гортань”, но не понимаю где она и как это сделать.

При каждом движении побаливает истерзанная пробкой попа. Пытаюсь лишний раз не двигать ногами, чтобы не закусывать губу и мучительно не стонать.

Его член атакует внаглую, с силой, так жестко, что я забываю про боль от пробки, она не доставляет таких мучений, как эта страшная долбежка в рот.

Лучше бы сразу анал, потом бы отпустил... если вообще отпустит...

Притягивает затылок и сразу толкается членом, получается бешеный коктейль боли. Тошнота уже накатывает, я не могу дышать даже отрывками, даже коротенькими вздохами, член проникает глубоко, перекрывает мне доступ к кислороду полностью.

Головка становится огненной и как будто увеличивается. Закрываю глаза, про себя молю “еще чуть-чуть... осталось чуть-чуть...”, хотя понятия не имею сколько на самом деле осталось. Но надежда... умирает последней.

Раз чувствую боль — значит я жива.

Он прижимает за башку к паху, в страхе, в спазме тошноты жду мгновения, когда отпустит. Но он удерживает, держит долго... долго... дышать нечем... Сильнее накатывает тошнота, не хватает воздуха, плечи судорожно трясутся.

Толкаю.

По спине липкий пот.

Отпихиваюсь, дерусь-царапаюсь, пытаюсь побольнее оцарапать... безумно страшно.

В горле что-то потекло неприятное, густое, тошнота еще больше усилилась и сейчас, наверное, все-таки стошнит...

Отпускает и я беру вдох. Господи-боже... воздух... Горячий и влажный, но благо легкому ветерку от вентиляции — он есть. Плевать на все остальное, пофигу совершенно... Вдыхаю глубоко, со страху дышу часто...

Это была сперма. Он кончил. Грубо кончил мне в рот, как последней шлюхе.

Все хорошо, — успокаиваю себя, — все хорошо.

От гипервентиляции голова начинает кружиться, сижу на кафельном полу на попе, опираюсь назад на ладони. Передо мной мягчеющий член.

Не смею поднять глаза выше. Кафель, стеклянные перегородки, горячий влажный воздух и... член.

— *Вставай. Жопу рвать пойдем в другое место. А для целочки... для нее я устрою сюрприз. Ты же любишь сюрпризы?* — игнорируя полотенце, он голым выходит из ванной комнаты, оборачивается, смотрит на меня, — идем.

Ноги уже не держат.

Прохожу мимо большого зеркала, кидаю взгляд на себя и удивляюсь тому, как я красиво выгляжу.

Стройная, ноги длинные, чуть ли не от ушей, впалый живот, ниже маленький треугольник волос, аккуратный — я всегда старалась выглядеть красиво неважно, что секс был пока не в планах.

Был...

Старалась красиво выглядеть для себя.

Мокрые волосы свисают на плечи, струйки воды текут по груди и попадают на остренькие сосочки. Небольшая грудь, округлая попа и плоский живот, вдавленный. За этот день я здорово похудела, еще бы, нескончаемый трах и полный голод, Даже без воды.

— Я что сказал?

Его голос звучит строго, но я не ощущаю в нем опасности. Может, просто так кажется. Что же, по крайней мере мне не страшно, и на этом спасибо. Может, просто его голос хорошо скрывает ложь, кажется приятным, а на деле — принадлежит убийце.

Беру белое полотенце, оборачиваюсь и выхожу. Он смотрит на меня оценивающе:

— Полотенце зачем нацепила?

— Ну... я мокрая.

— Мокренькая, — передразнивает, — еще бы. После моего члена нельзя не намочнуть, девочка. Ну-ка...

Он подходит, резко сдирает с меня полотенце и проводит пальцем по влажной щели. Сначала по самому краю, потом вставляет палец немного глубже и проводит уже там. Морщусь от рези, но стою ровно, от страха.

— И правда мокрая, — он довольно потирает пальцы в моей смазке, — целочка.

Его страсть разгорается с новой силой, дикое возбуждение — еще секунду назад он выглядел скорее спокойным, после оргазма расслабленным, а сейчас...

Я бы отвернулась, чтобы не смотреть. Не видеть как он на меня смотрит.

Бешено.

Как тигр на... лань, не как на тигрицу, отнюдь. А как на жертву, раненую добычу, которая застряла в капкане и не может убежать.

Порывисто он хватает меня за плечо и бросает на кровать. Лечу, приземляюсь в жесткий матрас, спиной чувствую мягкую ткань пледа и вижу, как он возвышается надо мной.

Сгибает мои ноги в коленях и садится между. Тянет меня к себе, чтобы киска была у самого края.

— Покажи.

Его голос становится до того хриплым, что меня это пугает. Лоно сжимается, его палец грубо растягивает складочки, делает это через силу, против моей воли. Он заставляет, принуждает меня.

Внутри разливается тепло, не понимаю почему клитор дрожит, он его даже не касался. В животе закручивается лава, в башке долбит осознание, что он меня принуждает, заставляет, разыгрывает природный стыд.

Моя покорность. Его власть.

Он делает со мной все что хочет, — понимание этого рождает внизу лона горячку, кипиток.

Лоно мягко сжимается, бос замечает и резко разводит мои ноги в стороны. Они остаются согнутыми в коленях.

От неожиданности с губ слетает стон:

— Ммм...

— А тебе нравится, крошка...

Он разводит мои губки широко, так, что кожа внизу киски растягивается, становится больно. Я снова стону и теперь сомнений нет, он ощущает мой настрой, видит, как я возбуждена.

И мне не стыдно. Нет.

Внутри шпарит бешеный жар, огонь полыхает не только в животе и лоне, но и в бедовой башке.

Безумно стыдно, что я кончаю от рук бандита, от того, на чьих руках кровь. Чужая кровь, возможно, и невинная. И, не дай бог, может быть и моя...

Глава 16. Ручной осмотр

Он раскрывает губки сильнее и вводит внутрь палец. Ощущаю гулкую тупую боль, давящую. Морщусь и закусываю губу.

Надавливая пальцем, оставляет его в лоне и ложится рядом по-мужски, на бок, слегка наваливаясь на меня.

Ему так лучше смотреть мне в глаза. Краска бросается к щекам, отворачиваюсь, смотрю в потолок, губы подрагивают от пристального внимания.

Его палец в лоне проникает еще дальше, тупая боль начинает распирает.

— Ууу... — стону, лоно покалывает мягкая искра, в экстазе поворачиваю лицо к нему и вижу его темные, как ночь, глаза. От такого взгляда любому нормальному станет страшно, он смотрит серьезно, внимательно...

Уверена, он так же смотрит перед тем как убить.

От страха лоно сжимается, но он едва касается клитора и я тут же расслабляюсь, и опять выдыхаю через нос — выходит сдавленный нежный стон.

— Как думаешь, — его голос меня пугает, слишком серьезный, — лишаться целки больно?

— Мм... Не знаю...

— А если подумать?

— Ммм...

Его палец входит глубже, давит... Лучше бы резко, чем вот так...

— М? Говори, киска.

— Ааай... — беру воздух в легкие, не понимаю... ничего не соображаю... он требует что-то ответить, ему сказать...

Его палец глубже проникает туда и, кажется, давит на эту преграду.

— Ооой...

— Целочка... Вот тааак вот... — он давит пальцем, причиняя мне тугую боль, но не прорывает, а просто мучает, — если целку сдернуть быстро, то девушка даже и не запомнит. А если долго-долго...

Даже сквозь огонь, усталость и бред я понимаю о чем он. Он говорит... нет, вернее предупреждает о новой порции боли, которую мне предстоит ощутить.

— А сейчас вставай, — он вынимает палец из лона, так и не дав мне кончить. Едва лава удовольствия начала критически повышаться — он вынимает палец и командует уже требовательное: — идем.

— Можно... в полотенце закутаюсь... пожалуйста, — еле шепчу.

Позволяет, дает на ноги тапки и выводит в коридор. Морщусь от яркого света, глаза уже привыкли к темноте.

К Его темноте.

По коридору крутой поворот и мы оказываемся в отсеке с отдельной дверью. Заходим, внутри — еще одна дверь, железная, он открывает ее ключом и входит первым.

Автоматом подмечаю невоспитанность.

— Все нормально. Можешь входить.

А, это безопасность.

Понятно. Проверка помещения, у бандитов так принято, тем более, если это логово — просто их место сходимки, типа тайник.

Озираюсь по сторонам: широкий небольшой коридор, он проходит, включает свет и я вижу большую просторную комнату, по центру которой — незастеленная кровать.

— *На кровать. На живот. Готовь задницу. Задери кверху, мальчика.*

Забираюсь и не знаю как лечь: мягая простыня, сверху одеяло и мягкий плед.

— Тут бардак, застели.

Сам открывает шкаф, а я, как домработница, беру в руки одеяло, поправляю подушку, кое-как стелю постель.

На гладко-застеленную ложусь, под животом мягкий плед и понимаю: меня ждет новая порция боли.

Ждет мою попу.

Будет больнее, чем с пробкой, — ягодичы рефлекторно сжимаются от такой мысли, и я с ужасом представляю, как меня рвать будет член.

Мою попочку. Будет. Рвать. Член.

Утыкаюсь лицом в плед, чтобы ничего не видеть — ни босса, ни его члена, ни света белого.

Ничего.

Он будет просто насиловать. В идеале бы стерпеть — не кричать и уж точно не получать наслаждение, как это было со мной только что.

Стыдно.

Не надо так, нельзя.

От разрыва попы вряд ли я получу удовольствие, что бы он ни говорил. Это безумно больно, дырка для этого не приспособлена, это извращение.

— На, — мне прилетает подушкой по голове, но не совсем обычной, а треугольной, немного жесткой, светло-серой, — ее под живот поставь. Жопу вверх.

К глазам приливают слезы. Я буду лежать как... как шлюха, как распятая рабыня, как... Господи, боже мой.

Всхлипываю, плечи судорожно поднимаются.

Он подходит:

— Ты че, реवेशь?

Вздрагиваю, он так близко, что уже страшно. В его руках черные секс-игрушки — анальные пробки и черные бусы на общей трубочке, от маленькой до большой.

Понимаю, что это все — мне в попу.

Опускаю глаза.

Его палец касается моего подбородка, он поднимает мое лицо, смотрит пристально:

— ***Сейчас будь хорошей девочкой. Не хнычь. Иначе разорву больно. Вытирай слезы, — он касается ягодич, разводит их в стороны, — выдохни. И расслабь попу.***

Глава 17. Игрушка в его руках пугает

Сглатываю, пытаюсь больше не реветь, но слезы застилают глаза с новой силой. Вытираю тыльной стороной ладони сжимаю пальцы в кулак.

— Какая милаха, — он с силой гладит меня по волосам, — кулачком глазки трет. Маленькая.

Быстрым движением он смазывает пробку, в страхе закрываю глаза.

Думала, он не сразу.

Думала, еще есть время, но он все делает быстро: одной рукой раздвигает мне ягодичы, другой вводит пробку целиком.

Сразу всю.

— Ууу, — чуть не подпрыгиваю, дергаюсь, очень... очень больно. Боль не просто распирает, она давит, нестерпимо больно жжет. Унижает. Показывает, что я беспомощная перед ним, бесправная, что я позволяю себя так...

— Эта — совсем маленькая. У меня есть штучка побольше, — он касается члена, жмет, массирует, — но сперва... ты же любишь бусики.

Он крупно демонстрирует мне игрушку, поворачивает мою голову на бок и дает облизать мне первый шарик. Маленький.

— Давай.

Беру в рот, он тут же требует облизывать следующий. Сами бусы не вставляет в рот, край выходит с другого уголка рта.

Начинаю облизывать третий по счету, он толкает четвертый и я начинаю пугаться размера игрушки. Такой большой, что даже рту тяжело.

— Их всего семь, — проталкивает мне пятый, — от мала до велика. Как думаешь, какой тебе понравится больше всех?

Сбоку он тянет за кончик бус и в моем рту оказывается последний — седьмой, самый большой шарик.

— Смочи его хорошенько. Дааа, — трогает член, мнет, — умница.

Вынимает, тут же вставляет в мой рот пальцы, доводит их до горла, давит, касается рукой ягодич. Подпрыгиваю от боли и сиплю, рычу, он вынимает пробку:

— Ччч, сейчас порадуя тебя бусиками. Посмотри.

Он смачивает все семь и я леденею от страха, но вместе с тем между ног волна жара.

Его теплая рука властно ложится на мои ягодичы, он разводит их в стороны и вставляет самый маленький — **первый по счету** — шар. Тут же проталкивает **второй и третий**, толкает дальше... начинаю тяжело дышать.

Вздых. Еще...

И еще...

Пятый шар и попка будто в огне, дышу горячо, часто, воздух кажется раскаленным, пытаюсь проглотить его больше, раскрываю рот, делаю вдох...

— Ааай, — **шестой**, — уууу...

— Сжимаешь попу, малышка. Естественно так будет больно. Разорвется задница.

Он нажимает игрушкой, но новый шар не вводит.

— Не напрягай, я сказал...

Расслабляю, как могу пытаюсь сделать то, что по факту невозможно. Как можно держать попу расслабленной, когда ее распирают?

Никак.

Но я делаю невозможное, практически не дышу, пытаюсь расслабить дырочку.

Он замечает, хвалит:

— Дааа. Быстро учишься... Хорошая крошка...

Из всех сил стараюсь не напрягать сфинктер. Но он начинает тянуть шарик на себя... Не вытягивать, а просто играть — тянуть назад, из попы... и не вытаскивать...

Мучать ради забавы.

Своей забавы.

Терпеть становится невозможно.

Сжимаюсь.

Он шлепает уже размашисто, словно припечатывает.

— Ты поняла что нужно?

— Уууу, — киваю.

— Ну, покажи как поняла.

Он начинает вталкивать **сечьмой**, лежу и стараюсь не напрягать попу, дышу мелко-мелко, чтобы случайно не сжаться. Но шар начинает так больно давить, что не выдерживаю, сжимаюсь, за что тут же он отвешивает шлепок. Он выходит звонким — унижительным, горячим, показательным.

Я поняла.

Все поняла.

Только не знаю как это выполнять, я не умею и мне... очень больно.

— Аааа... — он начинает вынимать по одному, — ааай...

Еще один... еще...

— Ааа..

Лихорадочно пытаюсь понять сколько еще осталось. Но в башке пожар, огонь...

— Ааах...

Боже, как больно. Господи, помоги.

Резко, он вынимает оставшиеся, самые маленькие, швыряет бусы на пол, садится сверху и вводит в попу палец.

— Терпи. Не напрягай. Даже если очень больно.

Ладонями он разводит ягодицы в стороны.

— Будешь послушной девочкой — сбережешь на сегодня целку. Не будешь — выебу и в киску, и в хвост.

Он вынимает палец и сразу же приставляет головку, давит.

В панике дергаюсь, давлю крик в горле.

Только не кричать!!!

Головка начала медленно расширять... глаза лезут на лоб, рот открывается от сильной обжигающей боли...

Давлю в горле стон и с силой, до крови, кусаю губу.

Глава 18. Хорошая девочка?

Морщусь, кусаю губу, изо всех сил пытаюсь не кричать. Да толку... Вряд ли такое выдержу.

Хотя если вспомнить минет, то анальный секс должен быть проще. Верю.. должен...

Хотя бы не стошнит.

Только боль. Ее надо просто перетерпеть, а потом он отпустит...

Я верю, что отпустит.

— М? — он наклоняется к уху, палец сильнее вдавливается, — *ты же хочешь сбересть целку?*

Сказать да — подписать себе приговор. Хотя какая разница, он и так трахнет.

Сказать нет... Страшно. Как можно авторитету вообще говорить "нет"?

Тихо всхлипываю, не знаю что ответить. Головка начинает давить сильнее, от чего сжимаюсь, даже плечи поднимаются вверх, к ушам. Свожу лопатки от напряжения.

Больно.

— Не сжимай попу, — пропихивает сильнее, рукой касается клитора и вмиг мягкие волны расходятся по телу. Боль хоть и остается, но такая, которую можно терпеть, — ты же хорошая девочка?

— Хорошая, — отвечаю одними губами, тихо-тихо, но босс это улавливает.

— Это хорошо.

Член сильнее начинает давить, клитор остается без ласк и я ощущаю, как головка принудительно расширяет мою попу, самый краешек, вход. Она давит на разрыв, заставляет колечко через боль сильно раскрыться.

Кричу нервно, истерически, визжу и перебираю ногами, пытаюсь от него уползти. Но он хватает меня, подминает, вжимает в матрас:

— Привыкни, — шепчет на ухо, касается пальцем клитора.

Острая резь и волны тепла. От коктейля боли и страха катятся слезы, от раскрывается в мучительном стоне, глаза лезут на лоб. С губ срывается крик, босс перебивает его ледяным шепотом:

— Привыкай.

Лед его слов разбивается о тысячи осколков моего крика:

— Ууу, — мучительно стону, понимаю, что влипла, что лучше бы молчать, не показывать ему, не возбуждать лишний раз.

Ему нравится моя боль.

Он терзает попку так сильно, так настойчиво...

Хотел бы трахнуть — давно бы уже.

Но нет.

Ему надо видеть, как я кручусь ужом от боли, как я кусаю губы, смотреть на мои слезы.

Наваливается, толкает членом в попу...

Головка входит, задницу разрывает боль такой силы...

— Аааа...

...что я кричу так дико и страшно... Можно подумать, что меня заживо убивают.

— Ааай, — как огнем. но тут же становится легче.

Легче.

Боже...

Он вынул член, гладит меня по голове:

— Тише-тише... Все, моя.. Все хорошо...

Дышу, слезы градом, в сердце страшная паника...

Убьет. Точно убьет. Успокаивает... Может, у него такая традиция, бандитские понятия.

Хрен знает...

Рыдания сотрясают плечи, утыкаюсь лицом в подушку, он гладить по волосам.

— Чччч, испугалась, маленькая...

Переворачивает, кладет меня головой себе на руку, заглядывает в глаза и говорит мягко, как с маленькой, как с совсем еще ребенком:

— Тебе больно было? Или страшно?

Моргаю, сглатываю от страха, говорю сбивчиво:

— Очень больно... очень...

Смотрит требовательно, властно. Не выдерживаю, не могу смотреть ему в глаза и дальше, опускаю. Он наклоняется к моим губам, целует и снова переворачивает на живот.

Его рука ложится на клитор и начинает мягкие горячие ласки. Вмиг забываюсь, начинаю стонать. Теплые волны окутывают тело, становится нежно, приятно. Бедами трюсь о его ладонь, о его палец — такой сладкий, чуткий.

— Мммм, — уже возбужденное, хоть и слезы все еще не просохли.

— Умница.

Он касается волос, сильной ладонью проводит по спине, растягивает ягодицы в стороны. Тянет сильно, так, что дырочка растягивается до боли.

Стону.

Хнычу.

— Терпи. Дыши и не позволяй себе двигаться. Кричи, это можно... Можно громко... — разводит ягодицы в стороны, — Расслабь. Ччч... Не напрягай.

Глава 19. По живому

Клитор сотрясается от ласк, на фоне этого кайфа палец атакует попу.

Пока только пальцем. Видно, босс меня пощадил.

Что же, хоть на какое-то время можно расслабиться, не бояться...

Вздыхаю. Сейчас не страшно.

Доверчиво расслабляюсь.

И... его палец входит сразу глубоко, сильно, с давлением.

Он специально так сделал, успокоил, чтобы я не боялась и провел этот финт с пальцем — ввел мощно, с нажимом, очень больно.

Учит.

Или наказывает.

Не знаю.

— Ммм, — сжимаюсь, тихонько стону, считаю, справляюсь — не кричу, не реву. Попа сама собой зажимается.

— Жопу... — шлепает с силой.

Плачу, через слезы расслабляю.

Вздрагиваю от нового толчка. Это все еще палец, но так дико больно, что попка сжимается против воли. И что эта его подушка... Только сплошное унижение, собственно, ему это и надо.

Унизить.

Подчинить.

Растоптать.

— Аааа, — ору от сильного распираания. Наверное уже член...

Сильная боль.

Толчки туда сюда... понимаю, это пальцы. Второй... В попке теперь два пальца...

— Ммм, — боль заставляет страдать, дергаться. Хочется закричать, но я пытаюсь...

Не хочу радовать.

Не хочу чтобы он не видел... что мне очень больно.

Может, не больно... Может, это я так... просто кричу...

Не успеваю додумать, мысль обрывается. Его пальцы резко покидают мою задницу.

Облегчение.

И тут же тисками — страх.

Тело облегченно вздыхает, но башка пугается так, что не сдерживаюсь... не могу сдержаться, слезы набегают, душат, самовольно катятся по щекам...

Не сдержалась.

Дура, — ругаю себя...

Дура, дура, дура. Рыдать в постели бандита нельзя.

Упругий член касается самого входа и сразу давит.

Не больно... Не больно-небольно, — твержу про себя.

Еще чуть...

Боже мой. Как бы пережить...

— Ммм, — сходит с губ, — ммм...

Я просто стону, пытаюсь не кричать, дышу, расслабляю попу...

Головка давит и медленно, но безумно.... адски... мучительно больно расширяет, про-ходит внутрь.

— Уууу, — срывается с губ, ощущая горячую головку уже внутри, уже в собственной заднице.

Он сделал все, что хотел.

Мошусь, кусаю губу до соленой крови, зубами впиваюсь в подушку...

— Ууу...

Мелкий вдох-выдох не помогает.

— Аай... ааа... больно...

Из глаз бешенные искры огня.

Ужасно больно. Кричу громкое “ааа”, вдруг он опять сжалится и это его остановит. Прекратит. Остановится.

Но не помогает. На этот раз не помогает.

Босс стал безжалостным грубым зверем.

Всхлипываю, сдавленный стон превращается в полный страха визг.

Член погружается глубже, проходит дальше. Уже пошли толчки... Он шпилит. Уже фрикциями, с каждым толчком попу раздирает, разрывает колючими ножами.

Больно.

Хватает бедра и приближает к себе, толкая член глубже. Он толкается еще и я сжимаюсь, теперь уже сильно, по полной.

Упираюсь в матрас лбом, морщусь, вздрагиваю. Новая вспышка боли пронзает словно молнией, беру глубокий вдох, из горла выходит болезненный крик.

— Аааааа...

Неуклюже дергаюсь, вздыхаю, искра боли яркая, мучительная, плечи вздымаются к ушам, стон срывается на плач.

— Бооольно, — слезы катятся по щекам.

Я понимаю, что зря.

Не надо было.

Он хватает за волосы, поворачивает лицом на бок, заглядывает и говорит хриплое:

— Сейчас тебе станет хорошо.

Его рука касается клитора и не просто ласкает, а зажимает горошинку. Сладкая боль — эйфория, сладость... хочется часто дышать.

Все вмиг меняется.

Вспышка боли уже кажется нежной, ласки клитора успокоили, утешили, настроили на нужный лад.

Расслабляюсь как могу, не полностью, нет, попа все равно напряжена. Он толкается, член проходит глубоко, давит с силой.

Сжимает горошинку клитора...

Разжимает...

С каждой фрикцией играется пальцами, жмет клитор, и пусть бы эта игра продлилась подольше....

— Ммм... — в голове вертится только одно “хорошо”.

Хоть и больно и страшно, но в теле плещется сладкая нега, местами болезненная, но от того яркая.

Открываю рот, стараюсь глубоко дышать.

Расслабляюсь, боль остается, я ее ощущаю, но не так — уже тише, спокойнее.

Он сильнее наваливается, вжимает и трахает уже не сдерживаясь, вгоняет член по самые яйца. Кажется, словно пропарывает, раздирает.

Он отпускает клитор, оставляет киску одну. Тут же опускаю руку, касаюсь влажного похотливого бугорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.